

Савва Елена Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры
политологии и политического управления
Кубанского государственного университета

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация:

Статья посвящена перспективам и проблемам формирования надэтнической гражданской нации в современной России, влиянию центральной власти на этот процесс. Автор исследует программную основу и практику процесса построения гражданской российской нации, указывает на то, что альтернативой гражданской нации выступает имперская организация социума.

Ключевые слова:

гражданская нация, этнополитика, государственная стратегия, имперская модель организации общества.

Savva Elena Vladimirovna

PhD (Philosophy), Assistant Professor,
Political Science and Political Management Department,
Kuban State University

THE PROSPECTS OF CIVIC NATION BUILDING IN THE MODERN RUSSIA

Summary:

The article considers the prospects and problems of supra-ethnic civil nation formation in modern Russia, and the influence of the central authorities on this process. The author examines the program basis and the practice of the civic Russian nation building. It is emphasized that the imperial organization of the society is an alternative to the civil nation.

Keywords:

civic nation, ethnic policy, government strategy, imperial model of social organization.

Россия традиционно не является государством одного этноса. Этот факт предопределил несколько характерных черт Российского государства и общества: федеративное устройство, значительное влияние административно-политических элит различных этносов на общероссийские политические процессы, высокие риски этнических конфликтов. Перспектива формирования гражданской надэтнической нации в связи с этим имеет высокую актуальность не только как предмет научных исследований, но и в качестве стратегии обеспечения социально-политической стабильности и в конечном итоге – повышения качества жизни россиян.

В качестве инструмента построения гражданской российской нации традиционно рассматривается этнополитика и такой важнейший ее аспект, как политика государства по отношению к этническим общностям. Наиболее удачную, на наш взгляд, характеристику современной российской этнополитики предложил профессор из США П. Ратленд – «присутствие отсутствия» [1, с. 172]. Более глубоко погруженные в тему отечественные ученые критикуют российскую этнополитику еще резче. Анализируя направления этой критики, на первое место по частоте упоминаний необходимо поставить следующий аргумент: именно государственная политика провоцирует рост межэтнической напряженности и конфликты, а также негативно воспринимаемое общественным мнением изменение этнического состава населения на территориях межэтнического контакта [2, с. 255].

Российская этнополитика не только далека от идеала содержательно, она находится на начальном этапе формирования. Даже сам этот термин, хотя он используется в течение всего постсоветского периода, не стал общепринятым ни в среде российских ученых, ни, тем более, в среде представителей власти. Для основного субъекта российской этнополитики – административной элиты характерно незнание базовых терминов данной сферы и, например, глубокое недоумение по поводу первых слов Конституции России: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...».

В течение полутора десятилетий документом, определяющим стратегию отношения власти к этническим общностям, являлась утвержденная Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Быстро меняющаяся экономическая и социально-политическая ситуация определила неоднократное появление проектов новых стратегических документов, которые обсуждались с привлечением экспертов из научного сообщества, но не были приняты. В 2011 г. автором настоящей статьи был сделан подтвердившийся позже прогноз о том, что новая стратегия государственной политики в отношении этносов не будет утверждена до окончания избирательной кампании по выборам Президента РФ 2012 г. [3, с. 163]. Выборы Президента РФ в 2012 г. актуализировали внимание властной элиты к темам этнических отношений и этнокультурного развития.

Необходимость принятия нового программного документа, посвященного государственной политике в отношении национальностей, стала очевидной, и осенью 2012 г. проект Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации был предложен для обсуждения [4]. 19 декабря 2012 г. Указом Президента Российской Федерации данный проект был утвержден после внесения значительных изменений [5]. Анализ наиболее существенных новаций по отношению к Концепции государственной национальной политики 1996 г. и исходному проекту выявляют желательную для власти стратегию.

В утвержденном тексте Стратегии не была осуществлена замена термина «национальная политика» на понятие «этнополитика». Отказ от использования корректной терминологии в пользу привычной характеризует консерватизм субъектов данной политики. Был исключен весь раздел, разъясняющий понятийный аппарат Стратегии.

Отметим, что если в проекте Стратегии среди первоочередных была обозначена цель укрепления гражданского единства представителей многочисленных этносов Российской Федерации, то в принятом документе данная цель не упомянута.

Задача формирования системы политических инструментов деполитизации этничности присутствует в России в течение всего новейшего периода ее истории. Она не была решена в практической деятельности власти и гражданского общества. Как очевидно из Стратегии государственной национальной политики, данная задача даже не осознается властью в качестве приоритетной. В то же время чрезвычайно большое внимание в Стратегии уделяется сохранению этнокультурной самобытности. По мнению автора, это свидетельствует о том, что центральная российская власть не осознает те угрозы, которые несет культурный этнонационализм.

Культурный этнонационализм при всех различиях понимания данного термина базируется на этническом романтизме и всегда заявляет о сохранении этнической идентичности и культурной самобытности как о своей главной цели. В отличие от политического этнонационализма, его угрозы часто имеют латентный характер. При благоприятных политических условиях, то есть при возможности силового подавления сепаратизма, данные угрозы не проявляют себя. Современным российским этническим элитам, чрезвычайно активно демонстрирующим свою лояльность центральной власти, выгодно обращаться к лозунгам сохранения этнокультурной самобытности. При этом они эксплуатируют те элементы традиционной культуры, которые сакрализируют власть, исключают ее критику, снижают уровень включенности населения в принятие политических решений.

В условиях политизированной этничности сам концепт этнокультурной самобытности может стать инструментом манипуляции местными этнократиями, в том числе для поддержания и реанимации архаичных социальных норм. Необходимо осознавать, что традиционная культура несет в себе большой набор инструментов ограничения прав человека. Среди актуализированных в постсоветскую эпоху обычаев на Северном Кавказе – похищение невест, нарушающее несколько фундаментальных прав человека, и кровная месть, дестабилизирующая политическую ситуацию в центральной и восточной частях региона.

Возникает закономерный вопрос о целесообразности поддержки всех сохранившихся к настоящему времени элементов системы традиционной культуры. Второй принципиальный вопрос относится к приоритетам государственной политики: обязано ли Российское государство исходить из приоритетности прав человека и в связи с этим обеспечивать безопасность человека от давления традиционных норм?

В Российской Федерации нет сколько-нибудь влиятельных политических сил, открыто выступающих с лозунгами сепаратизма. Реальный сепаратизм, формирующий условия для быстрого отделения от России в условиях ослабления федерального центра, удачно маскируется за лозунгами этнокультурного национализма. В данных обстоятельствах необходимо глубокое переосмысление приоритетов политики публичной власти всех уровней в этнокультурной сфере. В настоящее время задача сохранения этнокультурной самобытности этнических общностей не может рассматриваться в качестве первоочередной. Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления должна быть сосредоточена на позитивной интеграции представителей этнических общностей. Эта задача в действующей Стратегии государственной национальной политики не отразилась должным образом, и, соответственно, она не выполняется в практической деятельности власти.

В утвержденной Стратегии в отличие от ее проекта отсутствуют понятия политики согражданства, общероссийской гражданской идентичности. Два исключенных понятия выделены автором неслучайно. Их отсутствие является показателем фактического отказа от идеи приоритетности усилий, направленных на формирование надэтнической российской идентичности. В Стратегии присутствует единственное упоминание общероссийского гражданского самосознания. В качестве фактора, негативно влияющего на состояние межэтнических отношений, названа «недостаточ-

ность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию российской гражданской идентичности». Однако после исключения ряда базовых понятий, характеризующих общероссийскую идентичность, данная фраза выглядит фрагментом текста, который забыли удалить.

Понятие российской нации в качестве синонима известной формулировки Конституции «многонациональный народ Российской Федерации» в Стратегии встречается значительно реже, чем в проекте. Таким образом, можно сделать вывод о том, что действующая российская власть не приняла развернутый концепт гражданской нации как задачу.

Необходимо отметить, что приоритет в разработке концепта гражданской нации в современной России принадлежит не власти, а научному сообществу. Первым среди российских ученых постулировал необходимость создания гражданской нации в нашей стране академик В.А. Тишков, до недавнего времени – директор Института этнологии и антропологии РАН, а в настоящее время – научный руководитель этого учреждения. Концепт гражданской нации не был воспринят и даже встретил сопротивление со стороны многих представителей политической элиты. Как утверждал в свое время один из активных критиков данного подхода Р.Г. Абдулатипов (в настоящее время – глава Республики Дагестан), борьба В.А. Тишкова и некоторых ученых-западников против устоявшейся терминологии воспринимается многими как выступление против наций и национальностей, их республик и автономий [6, с. 568]. В середине первого десятилетия XXI в. ситуация изменилась. Показателем корректировки отношения административно-политической верхушки страны к идее гражданской нации является цитата из предвыборной программы правящей партии в 2007 г.: «Утверждение общероссийской гражданской идентичности, формирование общей системы духовно-нравственных ориентиров... – приоритет “Единой России”» [7]. Учитывая тесную связь правящей партии с бюрократической элитой России, данный манифест можно рассматривать в качестве установки государственной политики. Однако данное изменение оказалось неустойчивым, о чем свидетельствует действующая Стратегия государственной национальной политики. Автор полагает, что центральная российская власть в начале второго десятилетия настоящего века выбрала путь развития, который условно можно охарактеризовать как имперский.

Альтернатива россиянам как согражданства – имперская форма социальной организации, для которой характерны высокая агрессия как вовне страны, так и по отношению к инакомыслящим россиянам, объединение населения страны деструктивной идеей защиты от наступающих врагов и присоединения новых территорий. Согражданство и имперство объединяют общество, но на принципиально разных основаниях. Прогноз В.А. Ачкасова, сделанный еще в 2005 г., о том, что в России явочным путем снимается задача формирования российской нации-согражданства и постепенно восстанавливается имперская форма существования российского социума [8, с. 336], к настоящему времени существенно актуализировался.

Ссылки:

1. Ратленд П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // *Полис*. 2011. № 2. С. 172–189.
2. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д., 2003.
3. Савва Е.В. Влияние научных дискуссий на практику постсоветской этнополитики // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 6. С. 163–166.
4. Проект Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // *IA REX*. 2012. 12 окт. URL: <http://www.iarex.ru/articles/30062.html> (дата обращения: 20.06.2015).
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения: 21.07.2015).
6. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
7. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» «План Путина – достойное будущее великой страны» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edinros.ru/rubr.shtml> (дата обращения: 21.07.2015).
8. Ачкасов В.А. *Этнополитология*. СПб., 2005.

References:

1. Rutland, P 2011, 'The presence of absence: the ethnic politics in Russia', *Polis*, no. 2, p. 172-189.
2. Denisova, GS & Ulanov, VP 2003, *Russian North Caucasus: the analysis of the transformation of socio-cultural status*, Rostov-on-Don.
3. Savva, EV 2011, 'The impact of scientific debate on the practice of post-Soviet ethnic policy', *Theory and Practice of Social Development*, no. 6, p. 163-166.
4. 'The draft of the Strategy of the state national policy of the Russian Federation' 2012, *IA REX*, 12, October, retrieved 20 June 2015, <<http://www.iarex.ru/articles/30062.html>>.
5. *Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025* 2015, retrieved 21 July 2015, <<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350>>.
6. *National Policy of Russia: history and modernity* 1997, Moscow.
7. *Election Program of All-Russian political party "United Russia" "Putin's Plan - a worthy future of a great country"* 2015, retrieved 21 July 2015, <<http://www.edinros.ru/rubr.shtml>>.
8. Achkasov, VA 2005, *Ethnopolitology*, St. Petersburg.